

Jahnhunderten, 1905.

Harold D. Lasswell, *World Politics and Personal Insecurity*, McGraw-Hill, New York, 1935.

Harry Caplan, «A Late Mediaeval Tractate on Preaching», in *Studies in Rhetoric and Public Speaking, In Honor of James Albert Winans*, by pupils and colleagues, Century, New York, 1925.

James Emerson Phillips Jr., *The State in Shakespeare's Greek and Roman Plays*, Columbia University Press, New York, 1940.

Karl Mannheim, *Ideology and Utopia; An Introduction to the Sociology of Knowledge*, with a preface by Louis Wirth, Harcourt, Brace & Company, New York, 1936.

Leonard Bloomfield, *Language*, New York, 1933.

Leslie Speier, A. Irving Hallowell, Stanley S. Newman, *Sapir Memorial Publication Fund*, Menasha, Wisconsin, 1941.

Lynn Thorndike, *A History of Magic and Experimental Science During the First Thirteen Centuries of Our Era*. Macmillan, New York, 1929, Vol 1.

Pierre Bovet, *The Fighting Instinct*, Allen and Unwin, London, 1923.

Rhetorica and De Poetica, Vol. IX of *The Works of Aristotle Translated into English under the editorship of W. D. Ross*, Clarendon Press, Oxford, 1924.

Richard Lattimore, *Themes in Greek and Latin Epitaphs*, University of Illinois Press, Urbana, 1942.

Robert Taylor, *The Political Prophecy in England*, Columbia University Press, New York, 1941.

Sister Mary Catherine O'Connor, *The Art of Dying Well*, Columbia University Press, New York, 1942.

Sporadic studies have been made of language in politics, such as Uno N. Philipson, *Political Slang, 1750-1850* (*Lund Studies in English*, edited by Professor Eilert Ekwall, IX), C. W. K. Gleerup, Lund, 1941.

Th. M. Charland, *Artes Praedicandi, Contribution a l'histoire de la rhétorique au moyen age*, Paris, Ottawa, 1936.

Victor Ehrenberg, *The People of Aristophanes; A Sociology of Old Attic Comedy*, Blackwell, Oxford, 1943.

© Гарольд Лассвелл, 2006
© Толмачева М.В. (перевод), 2006

Дж. Оруэлл

Перевод: Русова И.

ПОЛИТИКА И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Большинство людей, хоть как-то причастных к данной проблеме, признают, что в настоящее время состояние английского языка оставляет желать лучшего, однако вместе с этим ясно, что едва ли даже сознательные меры помогут исправить данное положение дел. Современная цивилизация находится в состоянии упадка, и наш язык – как показывают факты – тоже неизбежно движется к своему разрушению. Из этого следует, что любая борьба против некорректного использования языка – всего лишь дань сентиментальному консерватизму, подобно тому, как некоторые до сих пор предпочитают свечи электрическому свету. Под этим кроется полубессознательная вера в то, что язык – это

просто часть природы, а не инструмент, формируемый и используемый человеком для реализации своих целей.

В настоящее время становится ясно, что деградация языка в основном вызвана политическими и экономическими причинами, а не влиянием на него того или иного отдельно взятого писателя. Однако, результат может исходить из самой причины, усиливая её и производя тот же самый, но только более устойчивый эффект. Человек может пристраститься к алкоголю, почувствовав свою несостоятельность, и, напротив, может морально пасть в результате подобного пристрастия. Нечто схожее происходит и с английским языком. Он становится скверным и неточным из-за недалёкости нашего мышления, а наша собственная неаккуратность в выборе слов, в свою очередь, позволяет нам мыслить на не столь высоком уровне. Дело в том, что данный процесс обратим. Современный английский, особенно письменный, сильно искажается под действием нашей «дурной привычки» к некорректному использованию языка: мы повторяем речевые ошибки, допущенные нашими собеседниками, вместо того, чтобы лишний раз заглянуть в словарь. Но стоит только отказаться от этой привычки – говорящий сразу же приобретёт ясность мышления, и вся общественность, а не только скромный круг профессиональных писателей, будет поставлена перед данной проблемой. Именно это станет первым шагом на пути к достижению политического перерождения. Несколько позже я вновь вернусь к данному вопросу и, надеюсь, к тому моменту смысл всего вышесказанного уже станет понятен читателю. А пока позвольте представить пять примеров использования английского языка, наглядно демонстрирующих то, как сейчас принято говорить.

Данные речевые отрывки не были ни капли «приукрашены», потому что они и без того являются вершиной языкового «творчества». Конечно, при желании, я мог бы исковеркать их ещё больше, но воздержался, т.к. в своей оригинальной форме они как нельзя лучше отражают большинство пороков человеческого мышления, от которых страдает современное общество. Данные примеры, возможно, не столь яркие, но, тем не менее, они достаточно показательны. Я специально использовал нумерацию примеров, чтобы к ним удобнее было обратиться в случае необходимости:

1. I am not, indeed, sure whether it is not true to say that the Milton who once seemed not unlike a seventeenth-century Shelley had not become, out of an experience ever more bitter in each year, more alien [*sic*] to the founder of that Jesuit sect which nothing could induce him to tolerate. *(На самом деле я сомневаюсь, не будет ли это неправдой сказать, что тот Мильтон, казавшийся не столь уж непохожим на Шелли семнадцатого столетия, переживая всё более горькие разочарования с каждым годом своей жизни, отдался от основателя иезуитской партии, не внушающей ему ничего, кроме нетерпимости. Профес-*

сор Г.Ласки «Свобода выражения»)

2. Above all, we cannot play ducks and drakes with a native battery of idioms which prescribes egregious collocations of vocables as the Basic *put up with* for *tolerate*, or *put at a loss* for *bewilder*. (Прежде всего, мы не сварим каши из всей этой армии незамысловатых идиом, которые предписывают использование в качестве образца вопиющих словосочетаний: **сносить** вместо **терпеть** и **сбивать с толку** вместо **смущать**. Профессор Л.Хогбен «Interglossia»).

3. On the one side we have the free personality; by definition it is not neurotic, for it has neither conflict nor dream. Its desires, such as they are, are transparent, for they are just what institutional approval keeps in the forefront of consciousness; another institutional pattern would alter their number and intensity; there is little in them that is natural, irreducible, or culturally dangerous. But *on the other side*, the social bond itself is nothing but the mutual reflection of these self-secure integrities. Recall the definition of love. Is not this the very picture of a small academic? Where is there a place in this hall of mirrors for either personality or fraternity? (С одной стороны, рассмотрим такое понятие, как свободная личность: по определению, она не невротична, т.к. не испытывает ни внутренних столкновений, ни наваждений. Её желания, по своей сути, прозрачны, т.к. представляют из себя то, что общепринятое мнение держит на поверхности сознания. Если бы существовала другая общепринятая модель, количество этих желаний и сила, с которой они проявляются, были бы иными – в них очень мало естественно-непреодолимого или опасного для культуры. Но с другой стороны, социальные связи есть ни что иное, как взаимное отражение этих самодостаточных цельностей. Вспомните определение любви. Разве оно не напоминает вам представление мелкого философа? Где же в этом зеркальном коридоре место для отдельной личности, а где для всего социума? Эссе по психологии «Politics» Нью-Йорк)

4. All the «best people» from the gentlemen's clubs, and all the frantic fascist captains, united in common hatred of Socialism and bestial horror at the rising tide of the mass revolutionary movement, have turned to acts of provocation, to foul incendiarism, to medieval legends of poisoned wells, to legalize their own destruction of proletarian organizations, and rouse the agitated petty-bourgeoisie to chauvinistic fervor on behalf of the fight against the revolutionary way out of the crisis. (Все «лучшие представители» джентельменских клубов и свирепые предводители фашизма, объединившись в своей ненависти к социализму и взирая с животным ужасом на поднимающуюся волну массового революционного движения, стали прибегать к провокационным актам, грязному подстрекательству, средневековым легендам о колодцах с отравленной водой, чтобы узаконить свои собственные действия по уничтожению рабочих организаций и заразить мелкую буржуазию шовинистскими идеями ради борьбы против выхода из кризиса путём революции. (Коммунистический буклет)).

5. If a new spirit is to be infused into this old country, there is one thorny and contentious reform which must be tackled, and that is the humanization and galvanization of the B.B.C. Timidity here will bespeak canker and atrophy of the soul. The heart of Britain may be sound and of strong beat, for instance, but the British lion's roar at present is like that of Bottom in Shakespeare's *A Midsummer Night's Dream* – as gentle as any sucking dove. A virile new Britain cannot continue indefinitely to be

traded in the eyes or rather ears, of the world by the effete languors of Langham Place, brazenly masquerading as «standard English». When the Voice of Britain is heard at nine o'clock, better far and infinitely less ludicrous to hear aitches honestly dropped than the present priggish, inflated, inhibited, school-ma'amish arch braying of blameless bashful mewing maidens! *(Если необходимо внести новое веяние в устои древнего государства, стоит провести нелёгкую и сомнительную реформу, целью которой станет гуманизация и гальванизация корпорации BBC. Нерешительность в этом вопросе губительна и ведёт к истощению духа. Сердце Британии, возможно, здорово и бьётся ровно, но рык британского льва, как у персонажа шекспировского «Сна в летнюю ночь» Ника Основы (Nick Bottom – персонаж пьесы В.Шекспира «Сон в летнюю ночь»), ткач по роду деятельности. На протяжении пьесы время от времени предстаёт с ослиной головой. Носит имя Ник Основа в переводе Т. Шепкиной-Куперник. В переводе М.Лозинского встречается под именем Ник Моток) – сейчас нежен, словно воркование голубка. Мужественный британец нового типа не должен оставаться на глазах, а вернее, на слуху у всего мира, нахально выдавая свой ленивый и невнятный лэнгэмский выговор за литературное английское произношение. Когда в 9 часов звучит «Голос Британии», намного лучше и уж, конечно, не так нелепо будет услышать откровенно нелитературное произношение, в котором проглатывается «h», чем нынешнее самодовольное, напыщенное, вымученное, школярское бляение этих самоуверенных скромниц. Из письма в лондонскую газету «Трибьюн»).*

Каждый из представленных отрывков имеет свои недостатки, однако, можно выделить черты, общие для всех пяти примеров: во-первых, – избыточность образов, во-вторых, – недостаток точности выражения. Автор, либо хотел что-то сообщить, но не смог выразить словами, либо он нечаянно болтнул лишнего, а, может быть, он просто безразличен к тому, означают ли его слова вообще хоть что-нибудь. Такое сочетание неопределённости и обычной языковой некомпетентности является самой заметной особенностью современной английской прозы и, в особенности, разнообразных текстов на политическую тематику. Как только дело доходит до обсуждения тем, требующих точности, всё конкретное расплывается до абстрактного, и кажется, что никто просто не в состоянии вспомнить о существовании ярких речевых оборотов. В прозе мы всё больше отдаём предпочтение словам, а не их значениям, и всё больше фразам, которые можно скрепить друг с другом, как готовые части конструктора. Ниже, представляя примеры и замечания, я перечисляю различные уловки, к которым обычно прибегают при составлении прозаических текстов.

Мёртвые метафоры. Свежая метафора заставляет мысль работать, порождая визуальный образ; и напротив, метафора, которую принято называть «мёртвой» (напр. *железная воля*), в действительности уже стала восприниматься как обычное словосочетание, но, тем не менее, она может использоваться без потери образности. Но эти два класса разделяет громадная мусорная яма, в которой покоятся изжив-

шие себя метафоры: они уже стали настолько обыденны, что не вызывают у нас ни малейшего шевеления мозгов, и употребляются просто потому, что освобождают людей от необходимости самостоятельно выдумывать какие-то замысловатые фразы. Примеров таких метафор много: *ring the changes on* (звонить во все колокола), *take up the cudgel for* (ручаться головой), *toe the line* (ходить по струнке), *to ride roughshod over* (держаться в ежовых рукавицах), *stand shoulder to shoulder with* (плечом к плечу), *play into the hands of* (попасть в лапы), *no axe to grind* (преследовать корыстные цели), *grist to the mill* (делать навар), *fishing in troubled waters* (ловить рыбку в мутной воде), *on the order of the day* (на повестке дня), *Achilles' heel* (ахиллесова пята), *swan song* (лебединая песня), *hotbed* (очаг) (заболевания). Многие люди употребляют такие метафоры, не понимая их значений (напр., как вы можете интерпретировать слово «трещина»), зачастую путают различные метафорические выражения – верный признак того, что автор совсем не заинтересован в том, что излагает. Многие метафоры, широко распространённые в настоящее время, изменили своё первоначальное значение, но порой даже те, кто находятся в курсе произошедших перемен, продолжают игнорировать этот свершившийся факт. Напр., *toe the line* иногда пишут как *tow the line*; *the hammer and the anvil* (молот и наковальня); в настоящее время эта фраза подразумевает, что больше достаётся наковальни, в действительности – именно наковальня разбивает молот, а не наоборот. Только тот автор, который хоть на минуту задумается о том, что он говорит, сумеет избежать искажения первоначального смысла.

Речевые уловки или ложные вербальные составляющие. Подобные уловки избавляют от необходимости подбирать подходящие глаголы или существительные и, в то же время, наполняют предложение избыточными словами, которые создают видимость гармонии. В качестве показательных фраз приведу следующие: *render inoperative* (неоперативно представлять информацию), *militate against* (свидетельствовать против), *make contact with* (устанавливать контакт), *be subjected to* (подвергаться воздействию), *give rise to* (давать подъём), *give grounds for* (сдавать позиции), *have the effect of* (производить впечатление), *play a leading part (role) in* (играть ведущую роль), *make itself felt* (давать о себе знать), *take effect* (вступать в силу), *exhibit a tendency to* (выражать тенденцию), *serve the purpose of* (служить цели) и т.д. Основной принцип, по которому строятся эти фразы – отказ от использования простых глаголов. Вместо того, чтобы использовать самостоятельный глагол, напр.: *break* (нарушать), *stop* (прекращать), *spoil* (расхищать), *tend* (улучшать), говорящий превращает его во фразу, где к основному глаголу (*serve – служить, play – играть, render – представлять*) добавляется существительное или прилагательное. Более того, везде, где это только возможно, действительный залог заменяется страдательным, а герундиальные конструкции

уступают своё место номинальным (напр., *by examination of* вместо *by examining*). Далее целый ряд глаголов исчезает из употребления, благодаря изобретению глаголов-«заменителей», легко формируемых посредством «удобной» приставки *de*, более того, добавляя в избитые фразы двойное отрицание *not un-*, говорящий может даже блеснуть силой своего интеллекта. Простые союзы и предлоги заменяются такими фразами, как *with respect to* (что касается), *having regard to* (в отношении), *the fact that* (дело в том, что), *by dint of* (в результате), *in view of* (принимая во внимание), *in the interests of* (в интересах кого-л.), *on the hypothesis that* (предположим, что), и в итоге предложение завершается громкими, но избитыми словами: *cannot be left out of account* (нельзя упускать из поля зрения), *a development to be expected in the near future* (развитие ситуации ожидается в ближайшем будущем), *deserving of serious consideration* (заслуживает тщательного рассмотрения), *brought to a satisfactory conclusion* (привело к удовлетворительным результатам) и т.д.

Склонность к вычурной манере выражения. Такие слова и выражения как *phenomenon* (феномен), *element* (элемент), *individual* (индивид), *objective* (объективный), *effective* (эффективный), *categorical* (категоричный), *virtual* (виртуальный), *basic* (базисный), *primary* (первоначальный), *promote* (содействовать), *constitute* (вводить в действие), *exhibit* (представлять вещественные доказательства), *exploit* (использовать в своих интересах), *utilize* (утилизировать), *eliminate* (аннулировать), *liquidate* (ликвидировать) используются с намерением приукрасить обычные высказывания, и призваны произвести впечатление предельной беспристрастности и неспособности к предвзятым суждениям. Прилагательные *epoch-making* (эпохальный), *epic* (эпический), *historic* (исторический), *unforgettable* (памятный), *triumphant* (победоносный), *age-old* (вековой), *inevitable* (неотвратимый), *inexorable* (непоколебимый), *veritable* (подлинный) заставляют скучную международную политическую жизнь выглядеть величественно и достойно. В свою очередь, тексты, прославляющие войны, приобретают несколько архаичный характер за счёт использования характерных слов: *realm* (царство), *throne* (престол), *chariot* (колесница), *tailed fist* (бронированный кулак), *trident* (трезубец), *sword* (меч), *shield* (щит), *buckler* (знамя), *jackboot* (грубая сила), *clarion* (призывный клич). Иностранные слова и выражения, напр. такие, как *cul de sac*, *ancien regime*, *deus ex machina*, *mutatis mutandis*, *status quo*, *gleichschaltung*, *weltanschauung* придают высказыванию особую утончённость, а говорящему – образ эрудированного человека. Если не считать действительно широко используемые нами латинские сокращения *i.e.*, *e.g.* и *etc.*, то без всех остальных бесчисленных иностранных выражений, обитающих в современном английском языке, можно легко обойтись. Плохих писателей, особенно работающих в сферах науки, политики и социологии, часто посещает мысль о том, что латинские и греческие слова звучат более благородно, чем слова англосаксонского происхождения, в результате чего излишние слова, такие,

как напр., *expedite* (ускорять), *ameliorate* (улучшать), *predict* (прогнозировать), *extraneous* (посторонний), *deracinated* (искоренённый), *clandestine* (незаконный), *subaqueous* (подводный) проникают в английский язык и вытесняют в нём своих англо-саксонских конкурентов. Жаргон, характерный для марксистских текстов (*hyena* (гуена), *hangman* (палач), *cannibal* (каннибал), *petty bourgeois* (мелкий буржуа), *these gentry* (средний дворянин), *lasky* (лакей), *flunkey* (ливрейный лакей), *mad dog* (бешеный пес), *White Guard* (белая гвардия) и т.д.), состоит в основном из слов, переведённых с русского, немецкого или французского, однако, стандартный способ образования новых слов подразумевает использование латинского или греческого корня, к которому прибавляется аффикс. Очевидно, что сконструировать подобные «шедевры» (*deregionalize* – дерайонировать, *impermissible* – антидопустимый, *extramarital* – внебрачный, *non-fragmentary* – нефрагментарный) значительно легче, чем выудить из своей памяти слова английского происхождения, способные отразить всё, что вы хотите сказать. Как правило, результатом такого словосочинительства становится халатность при выборе слов и туманность изложения.

Слова, лишённые смысла. В текстах определённого типа, главным образом в художественной и литературной критике, зачастую встречаются целые абзацы, практически полностью лишённые смысла. Такие слова, как *romantic* (романтический), *plastic* (созидательный), *values* (ценности), *human* (общественный), *dead* (вымерший), *sentimental* (сентиментальный), *natural* (естественный), *vitality* (жизненность), часто используемые в художественной критике, являются абсолютно бессмысленными, т.к. ничего не говорят о рассматриваемом объекте. Более того, читатель и не ждёт от них этого. Если один критик пишет: «Выдающейся чертой произведений господина N является их жизненность», а другой – «Во время чтения произведений господина N, очевидной становится их полная безжизненность», то читатель воспринимает это всего лишь как выражение разных мнений. Если бы вместо слов *жизненность* и *безжизненность* использовались антонимы *чёрный* и *белый*, то читатель сразу бы заметил, что язык использован неподобающим образом. Многие из политических слов также используются некорректно. Слово *фашизм* не имеет собственного значения, а всего лишь подразумевает «что-то нежелательное». Слова *демократия*, *социализм*, *свобода*, *патриотический*, *реалистичный*, *справедливость* имеют каждое по несколько значений, которые вступают в противоречие друг с другом. В случае со словом *демократия* не только не существует единого определения, но и все попытки создать его терпят крах. Почти для всех является очевидным, что если мы называем страну демократической, мы её хвалим: следовательно, сторонники самых разных режимов настаивают на том, что поддерживаемый ими режим является демократическим, и опасаются, что будут вынуждены прекратить использова-

ние этого слова, если оно приобретёт одно, чётко определённое, значение. Подобные слова часто намеренно используются с целью обмануть читателя. То есть, человек, который использует такое слово, понимает его по-своему, но внушает слушателю, что имеется в виду нечто совершенно иное. Утверждения типа *Marshal Petain was a true patriot* (маршал Петейн был настоящим патриотом), *The Soviet press is the freest in the world* (советская пресса – самая свободная пресса в мире), *The Catholic Church is opposed to persecution* (католическая церковь выступает против гонений) почти всегда создаются с намерением обмануть. Другие слова, приобретающие такие неоднозначные, вводящие в большей или меньшей степени в заблуждение, значения – это класс, тоталитарный, наука, прогрессивный, реакционный, капиталистический, равенство.

Теперь, когда я уже представил перечень речевых ухищрений, ведущих к искажению смысла, позвольте познакомить вас с ещё одним типом текста, возникающим в результате подобных уловок. На этот раз текст будет художественным. Я собираюсь переложить отрывок, написанный пристойным английским языком, на современный лад, используя все самые ужасные средства выражения. Перед вами хорошо известная строфа из Книги Экклезиаста: *I returned and saw under the sun, that the race is not to the swift, nor the battle to the strong, neither yet bread to the wise, nor yet riches to men of understanding, nor yet favour to men of skill; but time and chance happeneth to them all.* (Я обратился И видел под солнцем, что не проворным успех дается, не храбрым – победа. И хлеб – не мудрым, не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время, случай – для всех) (перевод даётся по источнику <http://lyrics-world.narod.ru/files/biblia/ekkleziast.htm>).

А далее приведён тот же текст, но в современном исполнении: *Objective considerations of contemporary phenomena compel the conclusion that success or failure in competitive activities exhibits no tendency to be commensurate with innate capacity, but that a considerable element of the unpredictable must invariably be taken into account.* (Объективное рассмотрение современного феномена приводит нас к заключению, что победа или поражение в конкурентной борьбе не выражают зависимости исхода состязания от врождённых способностей участника, но при этом необходимо постоянно принимать во внимание большую роль случая).

Конечно, это пародия, хотя и не слишком извращённая. Приведённый выше отрывок (3), напр., состоит из нескольких фрагментов, написанных в этом же духе. Очевидно, вы заметили, что я не сделал полного перевода: начало и конец предложения предельно точно повторяют оригинал, но в середине конкретные слова – *race*, *battle*, *bread* – превращаются в расплывчатую фразу «победа или поражение в конкурентной борьбе». Но для современного английского это норма, потому что ни один из нынешних писателей, работающий со стилем, о котором я повествую, и использующий фразы типа «объективное рассмотрение со-

временного феномена» не занимается организацией своих мыслей и занесением их в понятную для всех таблицу. В современной прозе ясно прослеживается тенденция отказа от конкретики. Теперь давайте проанализируем эти два предложения более подробно. Первое состоит из 49 слов, относящихся преимущественно к языку повседневного общения, но при этом, включает всего 60 слогов. Второе предложение состоит из 38 слов (из них 18 – латинского происхождения, 1 – греческого) и 90 слогов. В первом предложении мы видим 6 ярких образов, и только одна фраза («time and chance») остаётся не совсем ясной. Во втором предложении нет ни одной фразы, привлекающей внимание читателя, ни одного яркого образа, и 90 слогов оказываются не способными раскрыть смысл, заложенный в первом предложении. Однако, не вызывает никакого сомнения тот факт, что именно предложения второго типа пользуются огромной популярностью среди современных англичан. Эта манера изложения ещё не стала повсеместной, и даже на самой плохо написанной странице порой можно встретить вкрапления простого чистого языка. Тем не менее, если меня или вас попросили бы написать несколько строк об изменчивости фортуны, то они, скорее всего, были бы больше похоже на придуманное мной предложение, чем на строфу из Книги Экклезиаста. Как я пытался продемонстрировать, современные авторы совсем не озабочены выбором слов, подходящих по значению, и уж тем более они не заняты изобретением образов, способных прояснить суть текста. Нынешние сочинители тупо выстраивают в очереди фразы, давным-давно придуманные кем-то за них, склеивают их по своему усмотрению и выдают получившийся результат. Почему популярен такой способ составления текстов? Да потому что нет ничего проще! Видимо, сегодня для большинства писателей легче (и быстрее, стоит лишь немного потренироваться) написать *По моему мнению это не является предположением, не имеющим оправданий*, чем просто *Я думаю, что*. Если вы отдаёте предпочтение готовым фразам, то вам совсем не нужно мучиться, подбирая подходящие слова, и заботиться о ритме предложения, ведь большинство из подобных клише более или менее благозвучны. Когда вам приходится составлять предложения на ходу, напр., начитывая текст стенографистке или выступая на публике, то они, скорее всего, получатся напыщенными, с избытком латинских слов. Под занавес вы неизменно произносите *это точка зрения, которую мы должны постараться не упускать из виду* или *умозаключение, с которым мы все готовы согласиться* – фразу, которая раз спасала ораторов от провала. Используя избитые метафоры, сравнения и идиомы, вы, конечно, значительно облегчаете работу своему мозгу, но ценой внесения неясности. При этом всегда есть риск сделать текст непонятным не только для читателя, но и для вас самих. Именно в этом заключается значимость наложения метафор друг на

друга. Первостепенная цель метафоры – вызвать визуальный образ. Когда образы накладываются друг на друга, напр., *спрут фашизма пропел свою лебединую песню, грубая сила была брошена в плавильный котёл* можно с уверенностью сказать, что в мозгу автора отсутствует образ тех явлений, о которых он ведёт речь. Иными словами, он просто не утруждает себя мыслительными операциями. Давайте обратимся к примерам, приведённым мной в начале статьи. Профессор Ласки (1) использует пять отрицаний в тексте, состоящем из 53 слов. И одно из них выступает лишним, внося неразбериху во всё предложение. Помимо этого, мы видим речевую ошибку *alien (отчуждённый)* вместо *akin (родственный)*, и несколько неуклюжих фраз, которые повышают неясность. Профессор Хогбен (2) пытается сварить кашу из армии идиом, критикуя фразу *put up with* и отказываясь лишним раз заглянуть в словарь, чтобы проверить, что означает слово *вопиющий*. Если третий отрывок рассматривать предельно критично, то его можно признать полностью бессмысленным, хотя, возможно, тот, кто решит прочитать статью целиком, сможет разглядеть её замаскированный смысл. В четвёртом примере автор более или менее представляет, что хочет сообщить, но засилье избитых фраз заглушают смысл, подобно тому, как чайная заварка засоряет раковину. В пятом отрывке слова почти полностью расходятся со значением. Люди, которые пишут в данной манере, обычно находятся во власти эмоций: им не нравится одно, они предлагают что-то другое, не пытаясь вникнуть в то, что хотят донести.

Добросовестный писатель, работая над каждым отдельно взятым предложением, поставит перед собой, по крайней мере, четыре вопроса: 1. Что я пытаюсь сказать? 2. Какие слова могут это выразить? 3. Какой образ и какая идиома сделает мою мысль более ясной? 4. Достаточно ли данный образ свеж, чтобы произвести необходимый эффект?

А, может быть, писатель задаст себе ещё два дополнительных вопроса: 1. Можно ли выразить эту идею более лаконично? 2. Не допустил ли я каких-либо некорректностей, которых можно было бы избежать?

Но вас никто не заставляет подвергать себя всем этим хлопотам. Вам с лёгкостью удастся их избежать, если вы распахнёте двери своего сознания и позволите готовым фразам войти в него дружной толпой. Эти фразы сконструируют предложения за вас – они также организуют, в определённой степени, ваши мысли, а по необходимости окажут важную услугу по частичному утаиванию смысла предложения даже от вас самих. Именно на этом этапе особая связь между политикой и деградацией языка становится очевидной.

В наше время широко распространённым стало представление о

том, что текст на политическую тематику – это всегда некачественный, дурно написанный текст. А если в каких-то случаях данный факт не подтверждается, значит, это скорее исключение из правила, где автор, подобно бунтарю, выражает свою личную точку зрения, расходящуюся с «линией партии». Общепринятость, какой бы природы она не была, заставляет мыслить безжизненными и искусственными образами. Политические жаргоны, которые мы встречаем в буклетах, передовых статьях, предвыборных манифестах, правительственных документах и речах министров, конечно, варьируются от партии к партии, но всё же можно проследить общие тенденции: ни в одном из них вы не встретите яркого, неожиданного и оригинального оборота речи. Когда приходится наблюдать выступление партийного писаки, устало бросающего с платформы избитые фразы типа – *bestial (развратный)*, *atrocities (жестокость)*, *iron heel (железная пята)*, *bloodstained tyranny (кровавый деспотизм)*, *free peoples of the world (свободные народы мира сего)*, *stand shoulder to shoulder (стоять плечом к плечу)* – невольно испытываешь чувство, что выступающий человек не живое существо, а какая-то кукла; и это ощущение усиливается в моменты, когда свет, попадая на его очки, превращает их в пустые диски, за которыми, кажется, совсем нет глаз. И это совсем не странно, ведь человек, использующий подобную фразеологию, уже идёт по пути превращения в неживой механизм: его речевые органы по-прежнему издают звуки, характерные для человека, но мозг отключен и не принимает участия в выборе слов и построении предложений. Если оратор привык выдавать речи, похожие одна на другую, он уже не вникает в то, что говорит, подобно прихожанину, участвующему в церковных ектенях (произносящему ектеньи / ответа в церкви). Такое стеснённое положение сознания играет едва ли ни самую важную роль в достижении политического конформизма.

В наше время политические тексты, устные или письменные, выступают в защиту того, что является недостойным защиты. Необходимость таких действий как продление Британского владычества в Индии, русские чистки и ссылки, сброс атомной бомбы на Японию может быть оправдана, но только если привлечь аргументы, которые ужаснут большинство людей своей жестокостью и которые идут вразрез с заявленными целями политических партий. Таким образом, политики вынуждены использовать эвфемизмы, риторические вопросы и туманные фразы. На беззащитные селения обрушиваются воздушные бомбардировки, жители покидают населённые пункты, скот подвергается обстрелу, снаряды с зажигательной смесью обрушиваются на дома – это мы называем *мирный договор*. Когда миллионы крестьян, лишённые своих хозяйств, уныло плетутся по дорогам со своими немногочисленными уцелевшими пожилками, мы зовём это *перемещением населения* или *корректировкой границ*. Если людей заключают в тюрьмы без су-

да и следствия, стреляют им в спину или отправляют на лесозаготовки в Арктику, где им суждено погибнуть от цинги – это ни что иное, как *устранение ненадёжных элементов*. Такая фразеология используется в случаях, когда необходимо назвать вещи, не вызывая никаких ментальных образов. Рассмотрим, напр., какого-нибудь преподавателя английского языка, который отстаивает русский тоталитаризм. Он не может открыто сказать: «Я нахожу допустимым уничтожение противников, если это поможет вам добиться хороших результатов». Поэтому, скорее всего, он произнесёт что-то типа: «Легко признавая, что советский режим характеризуется рядом определённых признаков, которые заставят любого гуманиста содрогнуться, мы должны, по моему мнению, согласиться, что определённое ограничение прав политической оппозиции является неизбежным обстоятельством, сопутствующим любому переходному периоду, а притеснения, которым оказались подвергнуты русские, может быть вполне оправдано при учёте конкретных достижений».

Напыщенный стиль сам по себе тоже является разновидностью эвфемизма. Огромная масса латинских слов обрушивается на предметы действительности подобно лавине, стирая их очертания и укрывая детали. Главный враг чистого языка – фальшь. Когда существует расхождение между истинными и заявленными целями, человек инстинктивно начинает бросаться длинными фразами и избитыми идиомами, словно каракатица, выбрасывающая струю защитной жидкости. В нашу эпоху невозможно «держаться подальше от политики»: любая публикация – это всегда публикация на политическую тему, а политика, в сущности, есть ни что иное, как совокупность лжи, увёрток, глупых идей, ненависти и шизофрении. Если общая атмосфера неблагоприятна, страдает и язык. Осмелюсь предположить (подчеркну, что это всего лишь догадка, так как я не имею возможности проверить свою гипотезу), что немецкий, русский и итальянский языки сильно деградировали за последние десять – пятнадцать лет под воздействием диктатуры.

Однако, если мысль способна исказить язык, значит, язык тоже может отрицательно повлиять на процесс мышления. Неверное словопотребление может передаваться из уст в уста на основе обычного подражания, причём «дурную привычку» может подцепить и тот, кто знает, *как* говорить правильно и умеет это делать. Испорченный язык, о котором я веду речь, порой бывает очень удобен. Фразы типа *a not unjustifiable assumption* (небезосновательное предположение), *leaves much to be desired* (оставляет желать лучшего), *would serve no good purpose* (не принесёт ожидаемой пользы), *a consideration which we should do well to bear in mind* (мнение, которое необходимо принять во внимание) сравнимы с пачкой аспирина, лежащей под рукой, которой нельзя не соблазниться, испытывая головную боль. Пробежав взглядом по написанному мной тексту,

вы непременно заметите, что и я сам совершаю те самые ошибки, против которых так активно сейчас выступаю. С сегодняшней почтой я получил брошюру, в которой шла речь о положении в Германии. Автор пишет, что почувствовал необходимость написать её. Я открываю брошюрку наугад и читаю первое попавшееся на глаза предложение: «Союзники располагают возможностью достичь радикального преобразования социальной и политической структуры Германии для избежания националистической реакции в стране, а также положить начало формированию единой объединённой Европы». Заметьте, он «почувствовал необходимость» написать, по-видимому, считая, что обладает новой информацией, которую надо донести до читателя. Однако, его слова при этом похожи на кавалерийских лошадей, которые, услышав призывный сигнал, выстраиваются по привычной, заранее известной схеме. Ни один говорящий не в силах противиться нашествию готовых фраз (*lay the foundations* (положить начало), *achieve a radical transformation* (достичь радикальных преобразований)), каждая из которых заглушает бдительность той или иной частички мозга. Единственный способ воспротивиться вторжению незваных гостей – постоянно быть на чеку, готовым дать им отпор.

Ранее я сказал, что прогрессирующая болезнь нашего языка, скорее всего, излечима. Тот, кто с этим не согласен, по возможности постараются возразить, что язык всего лишь отражает существующие социальные условия, а потому мы не в силах повлиять на его развитие, если будем возиться со словами и конструкциями. Если говорить о характере языка в целом, то подобное замечание можно считать обоснованным, однако, картина совершенно меняется при более тщательном рассмотрении языка. Глупые слова и выражения зачастую исчезают из лексикона, но не в результате эволюционного процесса, а благодаря осознанному действиям меньшинства. Приведу два недавних примера *explore every avenue* (использовать любую возможность, букв. – прозондировать каждую улицу) и *leave no stone unturned* (использовать все возможные средства, букв. – не оставить ни один камень лежать на земле), которые не выдержали насмешек ряда журналистов. Существует длинный список заветренных метафор, от которых с лёгкостью можно было бы избавиться, если бы достаточное количество людей проявило к этому интерес. Также, вероятно, безжалостное высмеивание поможет изжить моду использовать двойное отрицание *not un-*, сократить количество латинских и греческих слов в среднестатистическом предложении, вытеснить иностранные фразы и отдельные научные слова и, главное, признать претенциозность верхом неприличия. Но это всё второстепенно. Укрепление позиций английского языка подразумевает нечто большее, однако, начнём мы с более очевидных положений.

Для начала, замечу, что это не относится к архаизмам, устаревшим

словам и оборотам речи, а также «стандарту» английского языка, от которого никто не собирается отказываться. Напротив, это имеет непосредственное отношение к тем словам и идиомам, которые уже вышли из употребления. Мы не станем касаться вопросов грамматики и синтаксиса, оставив их корректное использование на совести тех, кто хочет излагать свои мысли ясно, не станем агитировать сократить использование американизмов в речи и обучать искусству прозаического стиля. С другой стороны, мы не призываем гнаться за искусственной простотой и пытаться сделать из письменного английского языка разговорный. Мы даже не собираемся настаивать на повсеместном использовании англо-саксонских слов вместо латинских, хотя, напомним, предпочтение нужно отдавать словам, способным наиболее чётко и лаконично выразить мысль. Прежде всего, необходимо подбирать слова под смысл, а никак не наоборот. При работе с прозой, самым грубым нарушением является зависимость от слов и подчинение им. Размышляя о конкретном предмете, вы мыслите бессловесно. Затем, когда возникает желание описать данный объект, начинаете подыскивать подходящее слово, которое кажется наиболее уместным. Думая о чём-то абстрактном, вы, скорее всего, мыслите в правильном направлении и склонны выбрать верное слово, но тут в работу вашего мозга вмешиваются существующие жаргонизмы, готовые выполнить работу за вас ценой затуманивания и даже изменения исходного значения. Возможно, лучше будет, если вы сперва как можно более точно сформулируете то, что вы хотите донести при помощи мысленных образов и ощущений, не стремясь описать их словами. Впоследствии можно подобрать фразы, которые наиболее полно и точно передадут значение, затем поставить себя на место получателя информации и представить, какое впечатление данная фраза может произвести. Это последнее усилие мозга вычеркнет все избитые и смешанные образы, искусственно созданные фразы, никчемные повторы, а вместе с этим избавит текст от нелепостей и туманности. Возможно, что будут возникать сомнения по поводу того, какое воздействие окажут на читателя данное слово или фраза. Для таких случаев полезно знать некоторые правила, к которым стоит обращаться в моменты, когда интуиция не срабатывает. Полагаю, что они помогут решить все возможные проблемы: 1. Никогда не используйте метафору, сравнение или иную фигуру речи, если вы уже встречали её ранее в печатном варианте. 2. Никогда не употребляйте длинное слово, если его может заменить более коротким. 3. Если слово является лишним, обязательно вычеркните его. 4. Никогда не используйте страдательный залог, если его можно заменить активным. 5. Никогда не используйте иностранное или научное слово, а также жаргон, если мысль можно выразить обычным повсе-

дневным языком. 6. Помните, что лучше нарушить одно из этих правил, чем сразу все.

Эти правила кажутся элементарными. Таковы они и есть. Но от тех, кто дорос до того, чтобы писать в модном нынче политическом стиле, они потребуют полного пересмотра позиций. Можно придерживаться всех вышеперечисленных правил, но продолжать писать на плохом языке. Однако, пользуясь данными правилами, никто уже не осмелится написать ту чепуху, которой изобилуют примеры, приведённые мною в начале статьи.

В своей статье я рассматриваю не литературное использование языка, а просто язык как инструмент для выражения, а не утаивания мысли. Стюард Чейз и другие близко подошли к пониманию того, что все абстрактные слова лишены смысла, и используют это в качестве повода для пропагандирования политической созерцательности. Если вы не знаете, что представляет собой фашизм, как вы можете против него бороться? Нельзя принимать на веру подобную бессмыслицу, а надо осознать, что современный политический хаос связан с деградацией языка, и тогда, возможно удастся внести некоторые улучшения и предотвратить надвигающуюся кончину. Когда вы говорите на простом английском языке, вы освобождаетесь от общепринятых шаблонов. Если вы перестанете говорить стандартными оборотами, то любая допущенная вами языковая неточность станет заметной, и вы сможете вовремя её исправить. Политический язык (это можно отнести практически ко всем политическим партиям, начиная с консерваторов и заканчивая анархистами) создан, чтобы заставить ложь выглядеть правдоподобно, и вынуждает нас, забыв обо всех приличиях, признать непоколебимой истиной то, что является чистейшим вздором. Конечно, нельзя в мгновение ока изменить манеру вербального выражения, но изменить свои речевые привычки можно. Также время от времени не помешает отправлять избитые и бесполезные фразы такие, как *jackboot* (*грубая сила*), *Achilles' heel* (*ахиллесова пята*), *hotbed* (*очаг*), *melting pot* (*плавильный котёл*) (**melting pot theory** – теория «плавильного котла» («плавильного тигля»)) Теория формирования американской нации, объединившей в единый сплав иммигрантов различных рас и национальностей из многих стран мира), *acid test* (*серьёзное испытание*), *veritable inferno* (*сущий ад*)) вместе со всеми остальными словесными отходами в мусорную корзину, где им и место.

© Дж. Оруэлл, 2006

© Русова И. (перевод), 2006